

Людмила Крушинская

«РОЖДЕННЫЕ НА ПАРНАСЕ»

(Из беседы с Валентиной и Алексеем Ереньковыми)

Премьера этого уникального спектакля под названием «Песняр» состоялась в Национальном академическом государственном театре имени М. Горького 10 октября 2014 года. Резонанс этой постановки был настолько мощный, что она по праву за очень короткий срок вошла в число лучших спектаклей театра за последние годы. Автор пьесы — В. Дранько-Майсюк, режиссер — В. Еренькова, художник-сценограф — А. Меренков, композитор — В. Мулявин, музыкальная концепция — А. Ереньков, аранжировка — В. Ткаченко.

Спектакль посвящен выдающемуся музыканту современности, народному артисту СССР и Беларуси Владимиру Георгиевичу Мулявину. Но это не биография Героя в привычном смысле слова, а своеобразная музыкально-романтическая, в чем-то горькая и драматическая, сценическая повесть-эссе о судьбе гениального Поэта, Песняра, Творца, ставшего волей Судьбы поистине национальной гордостью Беларуси. Благодаря Владимиру Мулявину белорусская песня и белорусская поэзия стали частью мировой культуры, сохранив свою яркую «корневую» индивидуальность.

О том, как рождался спектакль, какие сложности возникали у авторов в процессе работы, и вообще — почему тема «песнярства» так глубоко взволновала его создателей, я попросила рассказать режиссера Валентину Еренькову и автора музыкальной концепции Алексея Еренькова.

Валентина Еренькова:

— Когда в нашем театре был объявлен сезон белорусской драматургии, я сразу обратилась к теме, связанной с творчеством Владимира Мулявина. Для меня было совершенно очевидно, что общественное внимание к судьбе этого выдающегося музыканта, к его творчеству и музыкальному наследию проявляется в наши дни все же в недостаточной степени. Однако для воплощения этого замысла нужна была пьеса — смелая, дерзкая и честная. И нужен был драматург, который бы отважился написать такое произведение. Поначалу подобной кандидатуры я не увидела, но уже тогда мне стало ясно, что будущего автора надо искать среди молодых литераторов, у которых есть творческие амбиции, но нет страха. И пока я была занята поиском такого человека, параллельно стала сочинять собственную канву-эскиз будущего спектакля, организовывать в простые и понятные слова основной его замысел. Ибо автору, которому предстояло написать пьесу на заказ, я должна была предложить четкие контуры ее сюжета, сформулировать ее основную идею и тему.

Готовясь к разговору с будущим драматургом, я окончательно решила, что в пьесе должна быть изложена только сугубо творческая биография. Никакого быта. Никаких переписок. Никаких отзывов и комментариев. Никаких документов, сопровождающих повседневную домашнюю и общественную жизнь главного героя. Никаких скандалов, сплетен, инсинуаций и домыслов. Только творчество и оценка этого творчества. Это должна быть пьеса-метафора. Пьеса-фантазия. Пьеса-аллегория. Но — о реальном конкретном человеке, которого нетрудно будет

Александр Жданович (в роли Янки Купалы) в спектакле «Песняр» ▶

сразу узнать. И уж точно не должно быть никаких имен. Главного героя мы будем называть Песняр. Действие должно происходить в больнице. В последние дни или минуты жизни великого человека. Мне захотелось, чтобы в пьесе появились такие персонажи, как Купала, Колас, Богданович, Тетка. Великие, яркие представители белорусской культуры, те самые исконные «песняры», истинные обитатели Парнаса, к которым мысленно обращался в своем творчестве Владимир Георгиевич. И еще мне очень хотелось, чтобы в пьесу очень тонко, почти «красной нитью», был вплетен образ Беларуси. Не напрямую, конечно, но достаточно выпукло, очевидно.

В какой-то момент к работе присоединился Алексей Ереньков, композитор и музыкальный руководитель спектакля, и предложил включить в пьесу музыкантов, которые будут не только петь, но и выполнять другие режиссерские задачи. Так родилась идея возложить на музыкантов функции, которые органично вошли в структуру пьесы: музыканты, студенты-практиканты, вокзальная и ресторанный публика. Разумеется, что «музыкантов» должны были играть драматические актеры нашего театра. Алексей сразу же занялся проработкой музыкальной концепции спектакля. По его задумке, основным композитором должен был быть сам Мулявин. Но было очевидно, что Алексею предстоит написать оригинальную музыку, а также использовать музыку других композиторов, сотрудничавших с ансамблем «Песняры». Абсолютно верным и логичным нашим общим решением было то, что Алексей сам должен был войти в спектакль в качестве гитариста, клавишника и исполнителя сольных вокальных партий.

И еще: бывает так, что часто режиссер яснее видит финал спектакля, чем даже начало. Так случилось и на этот раз. Решение пришло быстро и навсегда. В финале должна была звучать фонограмма песни Олега Молчана на стихи Янки Купалы «Молитва» в исполнении Мулявина. Оставалось только найти видеоматериал. И мы его нашли: 1994 год, премьерное исполнение песни на 25-летию ансамбля «Песняры», «Славянский базар», Витебск.

Как только поняла, что готова к разговору с будущим драматургом, я с новым усердием занялась поисками автора. В итоге таким автором стал молодой и талантливый литератор Василь Дранько-Майсюк. Сразу отмечу, что оригинальная пьеса Дранько-Майсюка несколько отличается от принятой к постановке ее театральной версии, литературным редактором которой стал Алексей Ереньков. Причиной тому — естественный ход развития режиссерской и музыкальной концепций в процессе работы над спектаклем. Подчеркну, что все необходимые изменения в оригинальном драматургическом материале происходили только после согласования с автором пьесы.

Кастинга на актерские роли не было. Ни на главные, ни на заглавные. Скажу прямо: если бы я, как режиссер-постановщик, не увидела в нашем театре актера, способного сыграть роль Песняра, такой спектакль не состоялся бы. Да, над пьесой мы работали тяжело и долго. Но это не принципиальные сложности. Это обычная рутинная работа, которая всегда сопровождает нашу театральную жизнь, особенно в тех случаях, когда пьеса пишется на заказ. А вот сложности, препятствующие работе, были: субъективные, объективные, материальные и не материальные, но тоже привычные для режиссера. Но куда же без этого? Но главное, я еще раз убедилась, что у гениев все поначалу предельно просто и понятно. Но именно поэтому все у них в итоге так непонятно и предельно сложно. Поэтому не надо пытаться понять гения. Прежде ему надо поверить, а потом его надо полюбить.

Разумеется, мнения публики о спектакле были разные, а как же иначе? Однако, к моему удивлению, подавляющее большинство высказывалось положительно. Лично меня больше всего интересовала та часть публики, которая не спешила уходить после спектакля. Я видела, как пытливые и любознательные зрители снова и снова всматривались в портреты актеров, размещенные на стенах фойе; как они задерживались возле портрета Мулявина и, конечно же, высказывались. И если объединить эти высказывания в единый поток, то все респонденты говорили на удивление одинаковые, но очень важные слова. Признавались, что после спектакля ощущали необычный душевный подъем, ощущали гордость за то, что они — белорусы. Гордость и благодарность за то, что живут в Республике Беларусь. И не оттого ли в их душах возникает желание заново перечитать белорусских поэтов, заново послушать записи «Песняров», дабы насладиться фирменным «песняровским» «голосоведением», мелодиями удивительной чистоты и редкой красоты? Что еще остается в их сердцах? Удивление, изумление, благодарность. Так они говорили. Я им верю. И благодарна за то, что они доверительно приняли всю сложную многогранность происходивших в спектакле событий. Убеждена: тема «песнярства» в нашем социуме актуальна и своевременна, как никогда, потому что несет в себе волшебную гармонию звука, гармонию слова, несет Свет и Любовь...

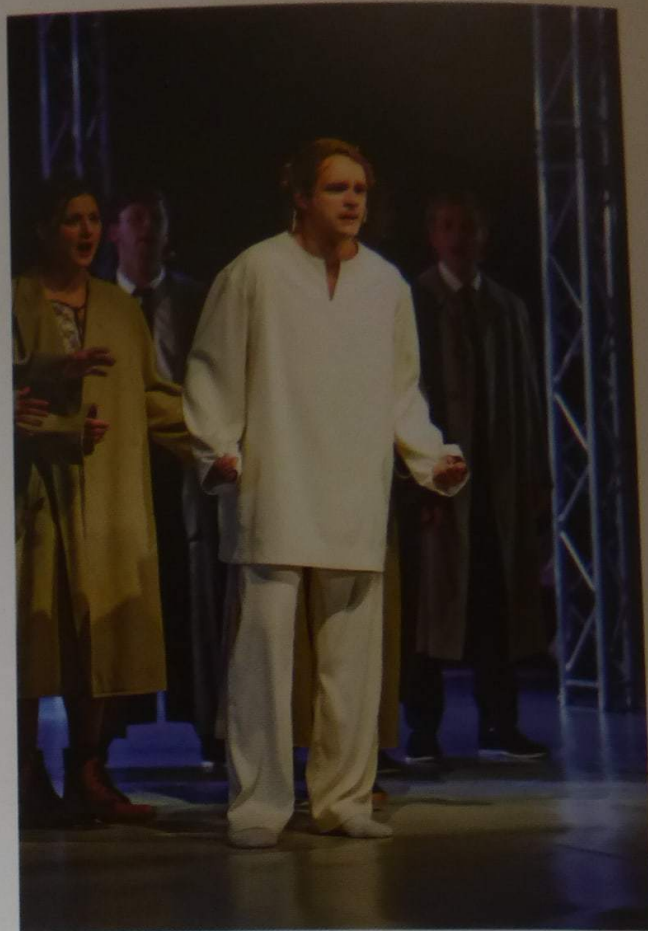
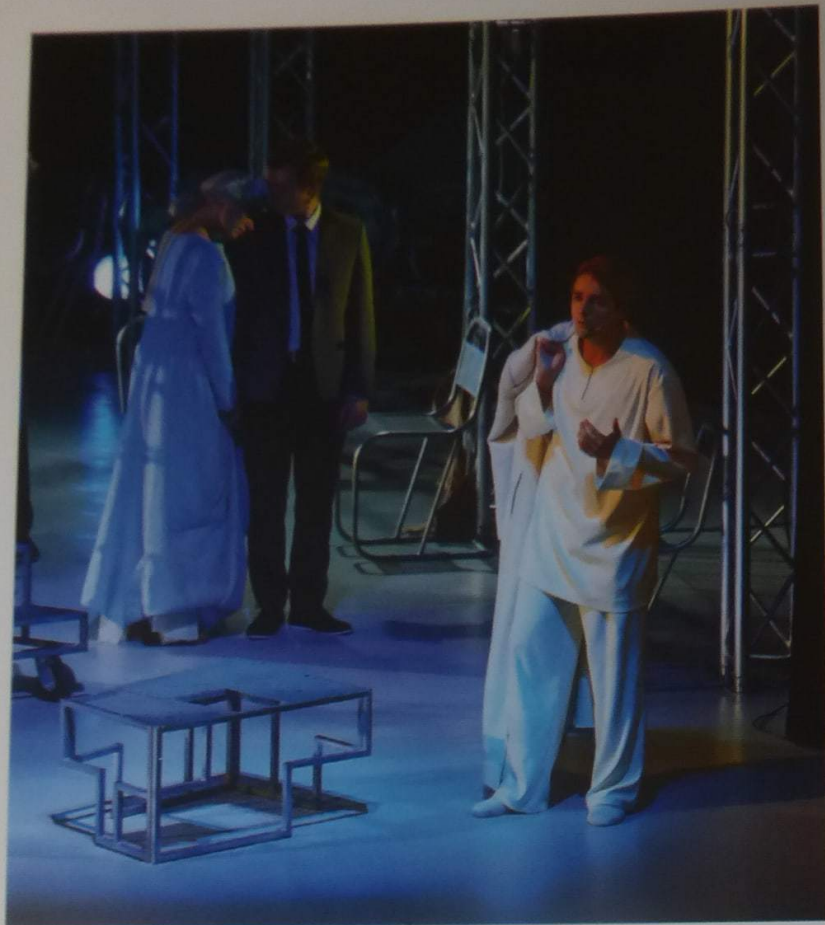
Принципиальным фактом считаю то, что русский театр в данном случае обратился к пьесе белорусского драматурга. Думаю, что это очень верное тактическое и стратегическое решение. Мы живем и работаем в Беларуси, а, как известно, русская и белорусская культуры имеют общие корни. Мы генетически связаны. Навсегда. И этому должны быть подтверждения в разных сферах, в том числе в области культуры и искусства.

Алексей Ереньков:

— Сначала расскажу про свой необычный сон. ... Я шагаю по большому коридору, в конце которого виднеется тяжелая дверь. Твердо знаю, что мне непременно надо туда попасть. Слева от меня окно. За окном успеваю разглядеть огромную планету. Я твердо знаю, что это не Луна... Перед дверью останавливаюсь. За ней — негромкие голоса. Много голосов. В какой-то момент начинаю понимать, что слышу хор. Очень красивая мелодия. Очень красивые голоса. Но... мне надо попасть за дверь. Ни колокольчика, ни звонка на дверях нет. Стучу. Голоса смолкают. Толкаю дверь и вхожу в большую комнату... В центре на простом стуле сидит Владимир Георгиевич Мулявин. На коленях у него большая раскрытая книга. Я твердо знаю: это не Библия. Он взглянул на меня, и я понял, что мне можно подойти. Показываю ему программку к спектаклю «Песняр». Он хвалит меня за пунктуальность. Внезапно в комнате становится светло. «Где-то взошло Солнце», — поясняет мне Владимир Георгиевич и подает мне странный предмет шаровидной формы. «Это музыкальный инструмент», — поясняет он мне. — Очень старинный музыкальный инструмент, и его надо очень быстро освоить... Прямо сейчас!..»

Тут же в глубине комнаты внезапно распахнулась еще одна дверь, и в комнату друг за другом вошли незнакомые мне люди. Владимир Георгиевич стал каждому из них раздавать ноты и пояснять: что, когда и каким образом надо исполнить. Я понял, что началась репетиция...

...Зазвучала мелодия. Мулявин подал мне знак, и я сразу начал наигрывать услышанную мелодию на незнакомом мне инструменте. Очень волновался, но понимал, что у меня получается. Владимир Георгиевич послушал и одобрительно кивнул головой. Затем подал мне большую книгу: «Вот это тоже надо освоить», — так и сказал — освоить, — и все будет хорошо». Затем он отправил меня в соседнюю комнату готовиться. Стены этой комнаты были прозрачными, и возникла она как-то внезапно и ниоткуда...

Сергей Жбанков в роли Песняра

... Я открыл книгу и увидел... ноты. Это были партитуры. Много партитур. Какие-то из них были написаны очень аккуратно и имели законченный вид, какие-то имели вид черновиков или еще неясных набросков, но все они были подписаны рукой Песняра. Все без исключения. От первой до последней страницы. Я приступил к освоению музыкального материала. Прозрачные стены позволяли мне краем глаз наблюдать, как в большой комнате с музыкантами репетирует великий мастер. Я снова услышал уже знакомые голоса. Снова услышал хор. Очень красивые голоса. Очень красивая мелодия... Я ощутил жгучее желание запомнить эту волшебную мелодию.

... Когда я решил, что достаточно все освоил, я вернулся в комнату, где репетировал Владимир Георгиевич. В комнате уже не было музыкантов, и я понял, что репетиция закончилась. Музыкант сидел, как и прежде, на своем стуле и, кажется, отдыхал. На коленях у него снова лежала большая книга. Но теперь я твердо знал (а вернее, четко и ясно увидел), что это была Библия. Когда я приблизился, Мулявин открыл глаза.

«Владимир Георгиевич,— обратился я к нему,— я все выучил и... окончательно освоил инструмент». Он посмотрел на меня и как-то очень тепло, очень по-доброму произнес, улыбаясь: «А я в Вас ни секунды не сомневался. Я сразу все понял. Ваши руки... Кисти ваших рук мне все открыли...» Затем похлопал меня по плечу, снова улыбнулся мне светлой, почти детской, улыбкой и тихо сказал: «Все получится. У Вас всегда все получится...»

Последнее, что я запомнил, было его лицо — спокойное, но очень уставшее. И какая-то запредельно важная мысль в его глазах, непонятная мне... Проснулся я внезапно. Причем запомнил каждую мелочь, каждый миг моего сна. Но мелодию, которая мне так понравилась, я, увы, так и не смог вспомнить...

Вот такой сон. Разгадать его не берусь. Но сегодня я твердо знаю одно: этот сон придал мне уверенности, и я абсолютно убежден в том, что, работая над спектаклем «Песнярь», занимаюсь своим делом.

Однако путь к достойному исполнению драматическими актерами нашего театра вокальных произведений (в данном случае песен «Песняров») тянется издалека. И если бы труппа не готовилась к подобному годами (!), ничего бы сегодня не вышло в плане, как я говорю, «нестыдного пения». Не вышло бы ни у кого, ни в одном драматическом театре Беларуси, потому что самое важное — даже не голоса и интонирование, а наличие духа «песняровского», главный оттенок которого, надеюсь, в какой-то мере мне удалось постичь и привнести в наше исполнение в спектакле «Песнярь». Думаю, что начальная, корневая стадия предстоящей работы началась еще задолго до известного события.

Когда я пришел в наш театр на должность музыкального руководителя, то был уже вполне сложившимся музыкантом со своим композиторским и исполнительским опытом, вполне достаточным, чтобы иметь право на собственное мнение. И это мнение сложилось не в пользу драматических театров. Традиционная скромность и невыразительность музыкального оформления почти всех без исключения спектаклей того времени повергли меня в шок: отсутствие музыкальной концепции, неоправданное переплетение направлений и стилей, неумение или нежелание обозначить контуры жанра, недопустимо низкое качество фонограмм, очень плохой звук. И, конечно же, если случалось так, что некоторые драматические актеры всерьез пытались продемонстрировать со сцены свое вокальное искусство, то у очень немногих это получалось достойно.

Несмотря на глубокое разочарование от первых театральных впечатлений, я решил остаться в театре, хотя ясно понимал, что меня ожидает по-настоящему титанический труд. Но я был готов к такому труду. И мне не было страшно, потому что я знал, что буду делать. Первой и главной задачей было убедить режиссеров отказаться от применения готовых фонограмм и допустить в сознание возможность того, что музыка современного «живого» композитора, написанная специально для данного спектакля, может оказаться гораздо точнее и выразительнее, чем любая фонограмма с музыкой композиторов минувших веков.

Второй задачей было вернуть на сцену музыкантов и музыкальные инструменты, конечно, если это не нарушало режиссерскую концепцию спектакля. Но больше всего мне хотелось научить драматических актеров грамотному профессиональному вокальному искусству. Я открыл в театре класс вокала. Желающие нашлись. Так в русском театре стала формироваться группа актеров, за вокальное исполнение которых действительно было не стыдно.

Вскоре труппа нашего театра по праву стала называться самой поющей труппой среди актеров драматических театров в Беларуси. И когда Валентина Еренькова приступила к постановке спектакля «Песнярь», все в театре понимали: спектакль состоится,

гарантия тому — режиссер. Но при этом все же продолжал тревожить еще один важный вопрос: какие надо приложить усилия и в каком направлении, чтобы достойно исполнить необычайно напевные, но невероятно сложные песни из репертуара легендарного ансамбля «Песняры»? Еще не была завершена пьеса, еще не было окончательного музыкального концепта, но я уже знал точно, что меня снова ждет титанический труд. И я снова был готов к нему.

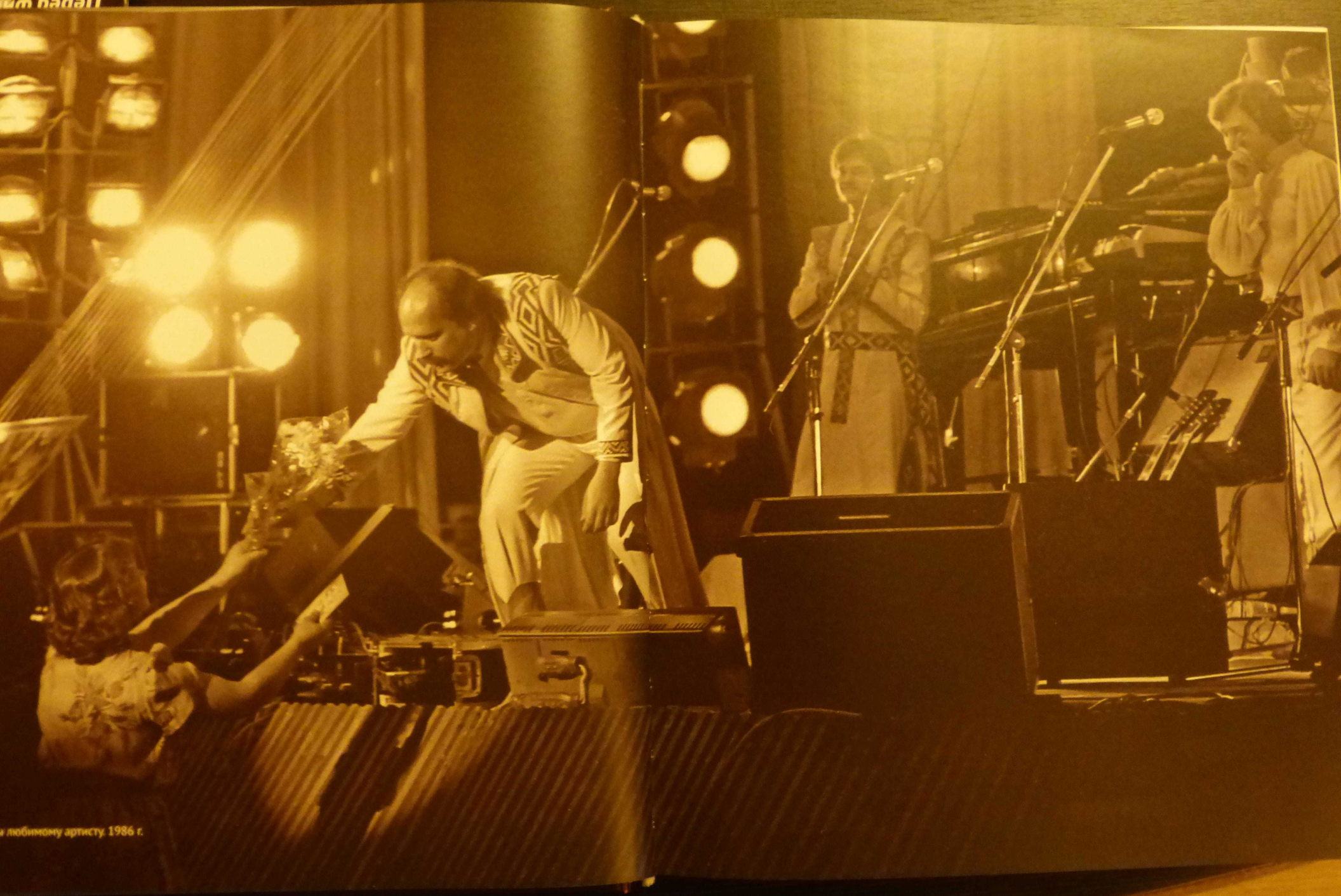
В этой работе мне помог не только мой личный профессиональный опыт. И Владимир Георгиевич Мулявин, и «золотые», первые «Песняры, вместе с которыми великий музыкант определил и жанр, и направление, и фирменное звучание коллектива на долгие годы, были и остаются людьми моего поколения. Это музыканты «одной крови», родственные мне души. Подчеркну, что на меня как на музыканта в юношеские годы оказали самое большое влияние два коллектива: «The Beatles» и «Песняры». Я развивался вместе с ними. Изучал и постигал секреты их исполнительского искусства. Все, что исполняли, например, «Песняры», было мне знакомо. От слова до слова. От ноты до ноты. Более того, с некоторыми из «птенцов гнезда Мулявинского» меня связывает давняя дружба: с Валерием Дайнеко мы вместе учились в музыкальном училище; с Владимиром Ткаченко и Олегом Молчаном мы не только дружим, но и плодотворно сотрудничаем уже многие годы. Оба они, а также Анатолий Кашепаров, оказали неоценимую моральную поддержку в подготовке необходимого музыкального материала.

Таким образом, вся моя профессиональная музыкальная деятельность, мои навыки и умения позволили мне быть вполне готовым к участию в спектакле в роли не только композитора и музыкального руководителя, но и, по задумке режиссера, еще и в роли музыканта. Поэтому единственной серьезной задачей для меня было изобрести быстрый и действенный способ передачи моего опыта актерам, которым предстояло вместе со мной вживую исполнять известные песни ансамбля, и предельно понятными словами объяснить самое, пожалуй, главное: чтобы быть успешными в предстоящем спектакле, мало было выучить ноты и овладеть приемами безупречного голосоведения. Надо было попытаться хотя бы в минимальной степени овладеть «песняровской» манерой «искренного пения».

Так я сам для себя когда-то определил манеру вокального исполнения, которую изобрел и прививал своим музыкантам сам Мулявин. «Искреннее пение» для меня — это не только честно выученные ноты и текст. Это обязательное овладение необходимой суммой знаний о жизни, увлечениях, характере, привычках композитора и поэта, сочинение которых ты собираешься исполнять. Необходимо также понять причины возникновения этих сочинений, точно почувствовать и передать музыкальный и сценический образ. Нужно суметь понять и принять творца. Полюбить и по достоинству оценить его талант, его творчество. Тогда к исполнению присоединится и его, и твоя душа. Тогда появится живое, осмысленное, «искреннее» исполнение, которое почувствует и оценит слушатель, зритель. Именно такого исполнения я добивался от актеров на наших бесконечных вокальных репетициях, и актеры меня слышали.

Бесконечно убеждаюсь в том, что по-настоящему одаренный человек интересен не только самому себе, родным, друзьям и близким, но и всему просвещенному человечеству. И не важно, что он изобрел и как это стали называть. Не важно, «песнярство» это или «битломания», все одно — синонимы, все одно — рожденные на Парнасе.

Перед ф...
медичн...

и любимому артисту. 1986 г.

Вместе с «Песнярами», Гродненщина, 1981 г.

